

Когда Ли Жун пришел за своими справками, Чжан Чжаохэ как раз протирал стол в кабинете.

Он сменил привычный френч на современный спортивный костюм, но его неспешная, полная достоинства манера никуда не делась. Накрыв ладонью полотенце, старик мерно и тщательно проходил по каждому сантиметру поверхности, не пропуская ни одного угла.

На столе оставались влажные темные полосы, которые быстро испарялись в сухом воздухе. Чжан Чжаохэ, похоже, отчетливо помнил каждое свое движение — он безошибочно прикладывал тряпку к еще не тронутым участкам.

Он стоял спиной к Ли Жуну, чуть ссутулившись. Возле книжного шкафа виднелись удочка и складное ведро. В двух остановках от Университета А находился большой парк с озером — излюбленное место тех, кто не прочь посидеть над лункой в мороз.

С виду мужчина ничем не отличался от обычного пенсионера, который живет в полном мире с самим собой. Ли Жун лишь скользнул взглядом по рыболовным снастям и тут же отвернулся.

Наконец Чжан Чжаохэ закончил с последним углом. Придерживая поясницу рукой, он выпрямился, бросил тряпку в таз с водой и обернулся к гостю:

— Интересуешься рыбалкой?

Веки Ли Жуна едва заметно дрогнули.

«Интересно, это я себя накручиваю, или Чжан Чжаохэ и впрямь оставил о себе впечатление человека крайне скрытного?»

Каждое слово собеседника казалось юноше двусмысленным. Однако лицо учителя было добродушным, а тон — ровным; всё выглядело как праздный вопрос.

Ли Жун мягко улыбнулся:

— Мне не хватает терпения.

Чжан Чжаохэ негромко вздохнул, потирая поясницу, затем вытер руки влажной салфеткой и сделал глоток теплой воды из термоса.

— Эх, молодежь вечно куда-то спешит. А ведь терпение — это самое важное. Только обладая им, можно довести дело до конца.

— Вы правы, — Ли Жун согласно кивнул, но тут же сменил тему, задав вопрос с подтекстом: — А что за дела удалось довести до конца... вам, учитель?

Чжан Чжаохэ как раз собирался сделать очередной глоток. Его рука едва заметно дрогнула, а губы на несколько секунд замерли у края кружки. Медленно опустив термос, он произнес:

— Ну... я неплохо умею ловить рыбу. На днях вот выудил толстолобика. Уха получилась — пальчики оближешь.

Улыбка Ли Жуна слегка померкла. Ему надоело играть в эти шарады, и он просто протянул руку:

— Мои справки?

— Ах, да.

Чжан Чжаохэ закрутил крышку термоса, обошел стол и, выдвинув ящик, достал несколько подписанных бланков на освобождение от посещений.

— В этом семестре ты пропустил слишком много. Я посмотрел: только учительница Сяо Мужань не стала отмечать твои пропуски. На остальные предметы я подписал разрешения. Постарайся побыстрее сдать их в учебную часть, пока система не начала вычитать баллы при выставлении итоговых оценок.

Ли Жун посмотрел на открытый ящик, невольно вспомнив золотой рисунок башни. Он не понимал, как учителю удается сохранять такое ледяное спокойствие: старик позволил ему увидеть тайный знак, но совершенно не спешил давать объяснения.

Юноша сделал пару шагов вперед, чтобы забрать бумаги. Но стоило ему потянуться за ними, как Чжан Чжаохэ вдруг сжал пальцы. Ли Жун поднял взгляд, в упор глядя на собеседника.

Тот лишь тонко улыбнулся, и в уголках его глаз пролегли глубокие морщины:

— Честно говоря, я и подумать не мог, что в такой ситуации ты умудришься стать первым на курсе. Я тебя недооценил.

Ли Жун не счел нужным что-либо объяснять:

— Просто повезло. Ткнул пальцем в небо — и угадал.

Чжан Чжаохэ, разумеется, в это не поверил. Экзамены по профильным предметам в

значительной степени состояли из открытых вопросов, где нужно было понимать саму суть процессов. Просто зазубрить такой объем информации было невозможно.

— Вы с братом Ли... — вздохнул Чжан Чжаохэ. — Вы и впрямь очень разные.

Ли Жун не ожидал, что тот внезапно упомянет его отца. На миг он словно впал в забытие.

Юноша и сам знал, насколько сильно отличается от своих родителей. Но слышать это от постороннего человека было странно — он не воспринимал это как похвалу. В его глазах родители были идеалом, и быть «другим» означало быть хуже.

Впрочем, так оно и было. Он действительно не был настолько хорошим человеком.

— Но ты мне нравишься больше, — добавил Чжан Чжаохэ.

Он произнес это неспешно, но совершенно серьезно. По сравнению с Ли Цинли и Гу Нун, он действительно отдавал предпочтение Ли Жуну.

Юноша хмыкнул:

— И почему же?

Его родители никогда не упоминали имени Чжан Чжаохэ, поэтому Ли Жун всегда считал, что они едва знакомы. Но теперь становилось ясно: они общались. Возможно, отец просто никогда не приносил рабочие дела домой.

В улыбке Чжан Чжаохэ промелькнула горечь:

— В тебе больше от простого смертного. Видимо, только разглядев истинную суть общества и реальность человеческой природы, можно отбросить этот нелепый, пустой идеализм.

Ли Жун осознал: старик явно не разделял тех высоких, чистых идеалов, которыми жили его родители. Чжан Чжаохэ считал, что все эти «всепрощения» и «забота о благе мира» — лишь плод наивности людей, которые не сталкивались с настоящим ударом реальности и не знают, что этот мир вовсе не стоит того, чтобы его спасать.

Ли Жун долго молчал, прежде чем сощуриться в улыбке:

— Что ж, вынужден вас разочаровать. Я был обычным смертным с самого рождения.

Чжан Чжаохэ издал натужный смешок и веско кивнул:

— Тогда ты нравишься мне еще больше.

Он не удержался от приглашения:

— У тебя есть дела на сегодня? Не хочешь пойти со мной на рыбалку?

Во время зимних каникул у таких вольных лекторов, как он, не обремененных научными проектами, была прорва свободного времени.

Ли Жун опустил голову, перелистывая небольшую пачку справок, и невозмутимо ответил:

— Вы ведь обещали устроить мне экскурсию по лабораториям. С моими результатами я теперь могу свободно сменить специализацию.

Он знал, что много прогуливал, но стоило ощутить в руках тяжесть этих бумаг, как чувство вины накрыло с головой. Раньше он был образцовым студентом — и во что он превратился теперь?

— Полагаю, тебе больше не нужны мои советы, — произнес Чжан Чжаохэ. — Сказать по правде, в моем классе впервые появился лучший студент курса. Кажется, и мне перепадет какая-нибудь премия.

Ли Жун заметил, что у преподавателя очень красивый почерк — размашистый, уверенный, с плавными переходами. Было видно, что он годами оттачивал каллиграфию. И ручка... инструмент тоже был хорош: чернила ложились ровно, перо скользило мягко. Должно быть, дорогая вещь.

Впрочем, сейчас редко кто из учителей продолжал пользоваться перьевыми ручками.

Ли Жун вспомнил, что когда Чжан Чжаохэ надевал свой френч, эта ручка всегда была закреплена у него на груди. Во время разговора у старика была привычка — время от времени касаться её, словно проверяя, на месте ли она. Но сейчас, в спортивном костюме, крепить её было некуда.

Притворившись равнодушным, Ли Жун спросил:

— Вы долго практиковались в письме пером?

Чжан Чжаохэ опустил взгляд на справки в руках юноши:

— Люблю пописать на досуге. Перо, кисть... у стариков не так много развлечений.

Ли Жун задумчиво кивнул:

— Это хорошо. Мне тоже нравится. Что у вас за ручка? Хочу купить себе такую же.

Договорив, Ли Жун сложил бумаги и поднял глаза на собеседника.

— Такую уже не купишь. Мою модель давно сняли с производства, — вздохнул Чжан Чжаохэ. С этими словами он чуть расстегнул молнию куртки и вытянул из-за пазухи ручку, висевшую на шнурке на шее. — Я пользуюсь ей много лет. Сейчас даже мастерских по ремонту почти не осталось. Не знаю, сколько она еще прослужит.

Ли Жун не смог скрыть удивления. Старик действительно всегда носил её при себе: когда не было карманов, он просто вешал её на шею.

Юноша тут же взял себя в руки и принялся внимательно рассматривать инструмент. Он не разбирался в каллиграфии, но видел, что модель очень старая, а цвет — неброский, темно-зеленый. Совершенно заурядная вещь на первый взгляд.

— Если сломается, можно ведь просто купить новую. Или эта ручка для вас очень важна?

Ли Жун и так понимал её ценность, но хотел услышать причину. К счастью, Чжан Чжаохэ не собирался ничего скрывать:

— Эту ручку подарил мне мой учитель. Она действительно очень важна — когда я ношу её, мне кажется, будто наставник всё еще напоминает мне о чем-то.

Говоря это, Чжан Чжаохэ невольно поглаживал корпус, и в его голосе слышались тяжелые нотки.

Ли Жун скрестил руки на груди, задумчиво потирая локоть большим пальцем. Слова старика звучали как дань безмерного уважения к учителю, вот только учитывая возраст самого Чжан Чжаохэ, его наставника, скорее всего, уже давно не было в живых.

— А кто был вашим учителем? — спросил Ли Жун.

Ему было неважно, ответит старик или нет — информацию в любом случае можно было раскопать.

Веки Чжан Чжаохэ дрогнули. Его пальцы, сжимавшие ручку, напряглись сильнее, так что аккуратно подстриженные ногти слегка побелели.

— Моим учителем был директор исследовательского института «Хунсо»... Чжу Янь.

Сердце Ли Жуна пропустило удар.

«Чжу Янь?»

Учителем Чжан Чжаохэ был сам Чжу Янь. Тому уже за семьдесят, и на посту директора «Хунсо» он воспитал целое поколение ученых. Многие его ученики стали столпами индустрии, а некоторые и вовсе работали в командах нобелевских лауреатов за рубежом.

На их фоне Чжан Чжаохэ выглядел абсолютным ничтожеством. Никаких достижений, никаких публикаций — в его годы он держался на месте простого лектора только из милости руководства вуза. Молодые студенты презирали его, считая попадание в его группу катастрофой. Даже Гэн Ань спустя десять лет после выпуска помнил его как бездаря.

Зачем такому «неудачному» ученику Чжу Янь стал бы дарить ручку?

По ценам сорокалетней давности перьевая ручка была весьма ценным подарком. А жест учителя, дарящего нечто подобное студенту, сам по себе был необычен. К тому же, в своих многочисленных интервью и выступлениях Чжу Янь упоминал многих выдающихся учеников, но имени Чжан Чжаохэ среди них никогда не звучало.

Впрочем, Ли Жун быстро отогнал эти мысли. Отношения Чжан Чжаохэ и Чжу Яня, казалось, не имели прямого отношения к его делу. К тому же юноша испытывал к директору «Хунсо» неприязнь — ведь именно он вместе с Цзян Вэйдэ решил солгать на том банкете.

— Директор Чжу... выдающийся человек, — Ли Жун отвел взгляд от ручки. — Что ж, пойду сдам бумаги. Отдыхайте, учитель.

— Эх, а я-то на рыбалку собирался... — вздохнул Чжан Чжаохэ. Было видно, что отсутствие интереса Ли Жуна к его хобби его искренне расстроило.

Покинув кабинет, Ли Жун спустился в холл первого этажа, где на диване его ждал Цэнь Сяо.

Он положил стопку справок поверх английского романа, который читал Цэнь Сяо, и со вздохом произнес:

— Неужели я пропустил столько занятий?

Цэнь Сяо приподнял бровь. Отложив книгу на колени, он просмотрел бумаги:

— Хм. Похоже, моя мама не стала отмечать твои прогулы.

Ли Жун усмехнулся и легонько задел лодыжку Цэнь Сяо своей ногой:

— Что, хотел бы, чтобы она вписала мне выговор?

Цэнь Сяо убрал книгу, аккуратно сложил справки и, бросив быстрый взгляд на камеры видеонаблюдения, не позволил себе лишних жестов. Он просто встал, приобнял Ли Жуна за плечо, увлекая его к выходу, и тихо прошептал ему на ухо:

— Конечно, боюсь, что мама обидит мою жену.

<http://bllate.org/book/15351/1503680>